

Жены рабочих в Америке пугали им детей: "Не плачь, а то тебя заберет Рокфеллер!" Парадокс заключался в том, что самый богатый человек в мире больше всего гордился своей безупречной моралью: ведь его воспитывали строгих правилах, и он следовал им всю жизнь....

Средневековые французские городки, где крыши сложены из сланца, а серые каменные стены увиты плющом, белые замки, звон колокола, дымок костра - запах горящих дров смешивается со смрадом паленого человеческого мяса. Предки Рокфеллера жили во Франции и были гугенотами. В XVII веке семья Рокфайль бежала в Германию от инквизиции, погромов и охотившихся за еретиками королевских драгун - там эмигранты переделали свою фамилию на немецкий манер. Они выбрали суровую и безжалостную веру: их бог требовал строгой внутренней дисциплины, тяжелого труда, бережливости, отречения от радостей плоти. Зато протестанты ощущали себя избранным народом - их ждало царство небесное, а все остальные были прокляты, их ничто не могло спасти, и с ними не стоило церемониться. Труд, долг, верность по отношению к своим и холодное безразличие к чужим - все это Джон Рокфеллер впитал с молоком матери. Триумф дома Рокфеллеров (банки, железные дороги, недвижимость и легендарная компания "Стандарт ойл" стал победой поколений Рокфеллеров - мельников, фермеров и мелких торговцев, много и тяжело работавших, копивших, отказывая себе во всем, и терпеливо ждавших своего часа.

...Американская провинция начала прошлого века: наспех слеplенные, на скорую руку сколоченные городки - домики из сосновых досок, лесопилки, мельницы, церквушки. Рокфеллеры перебрались в Новый Свет в XVIII веке и понемногу продвигаются на Север, к Мичигану. Вещи свалены в запряженную волами скрипучую повозку, дед

Рокфеллера держит вожжи, его жена и дети бредут следом, глотая дорожную пыль. Они остановились в городе Ричфорде, штат Нью-Йорк: там в 1839 году появится на свет Джон Рокфеллер.

Жесткий, рациональный, не прощающий грешников и слабаков бог гугенотов отдохнул на его деде и отце. Годффри Рокфеллер, милый и сердечный человек, не сумел пробиться в жизни. К тому же он (тут волевая бабушка Люси презрительно поджимала губы) был не дурак выпить. А Уильям Эйвери Рокфеллер, папа будущего мультимиллиардера, собрал в себе все мыслимые пороки - распутник, конокрад, шарлатан, обманщик, двоеженец, лгун... (Зато он не брал в рот ни капли спиртного и даже учредил первое в городке общество трезвости.)

Уильям появился в городе отдельно от семьи - красавец-мужчина со светло-каштановой бородой, в новом, с иголки, скюртуке и (невиданное дело в Ричфорде!) тщательно отглаженных брюках. На груди у него красовалась табличка "Я - глухонемой". Благодаря ей Уильям, прозванный Большим Биллом, вскоре знал всю подноготную каждого горожанина.

Пышная борода и стрелки на брюках пронзили сердце деревенской девушки Элайзы Дэвисон. Она воскликнула: "Я бы вышла за этого человека замуж, не будь он глухонемым!" - и скромно стоявший невдалеке "калека" понял, что тут можно повернуть неплохое дельце. Уши Билла работали не хуже еще не изобретенных радаров, о том, что отец дает за Элайзой пятьсот долларов приданого, он прослышал двумя днями раньше, - вскоре они обвенчались, а через два года на свет Божий появился Джон Рокфеллер.

Кроме тяги к трезвости Бог наградил Уильяма необыкновенным обаянием: Элайза не рассталась с ним, даже поняв, что ее жених все отлично слышит, а при случае сквернословит не хуже пьяного лесоруба. Она не бросила мужа даже тогда, когда он привел в дом свою любовницу Нэнси Браун и та в очередь с Элайзой стала рожать Уильяму детей.

На заработки Билл уезжал по ночам. Он исчезал в темноте, не объясняя, куда и зачем едет, и возвращался через несколько месяцев на рассвете - Элайза просыпалась от стука ударившегося в оконное стекло камешка. Она выбегала из дома, откидывала засов, открывала ворота, и муж въезжал во двор - на новой лошади, в новом костюме, а порой и с бриллиантами на пальцах. Красавец-мужчина делал неплохие деньги: брал призы на стрелковых конкурсах, бойко торговал стекляшками "Лучшие в мире изумруды из Голконды!" и успешно выдавал себя за знаменитого доктора-травника. Соседи называли его Биллом-дьяволом: одни считали Уильяма профессиональным игроком, другие - бандитом.

Билл процветал, а Элайза и дети жили впроголодь и работали не покладая рук. Она не была уверена, вернется ли муж в очередной раз, и вела хозяйство откладывая каждый цент. Полуголодные, одетые в старье сыновья с утра бежали в школу, затем шли работать в поле, а после зубрили уроки. Дома царствовали честная бедность и тяжелый труд, а Билл жил во грехе и прекрасно себя чувствовал. Порок не желал быть наказан:

Рокфеллер-старший начал богатеть. Он занялся лесозаготовками, прикупил сто акров земли, коптильню, расширил дом... Маленький Джон, любитель душевного чтения, музыки и церковных служб, смотрел на отца и учился.

"Это был очень тихий мальчик, - много лет спустя вспоминал один из горожан, - он всегда думал". Со стороны Джон выглядел рассеянным: казалось, что ребенок все время бьется над какой-то неразрешимой проблемой. Впечатление было обманчивым - мальчик отличался цепкой памятью, мертвой хваткой и непоколебимым спокойствием: играя в шашки, он изводил партнеров, по полчаса думая над каждым ходом, и не проигрывал никогда. "Ты ведь не считаешь, что я играю для того, чтобы проиграть?.." Суровое, обтянутое сухой кожей лицо Джона Дэвисона Рокфеллера и его лишенные мальчишеского блеска глаза по-настоящему пугали окружающих. Радоваться жизни он не умел никогда.

Зато Джон был очень практичным юношей: он умел извлечь пользу даже из слабостей своих родственников. Дед был слабоволен, доброжелателен и болтлив, и ребенок раз и навсегда вытравил в себе благодушие и разговорчивость - он решил, что эти качества присущи неудачникам. Его мать отличали трудолюбие, верность долгу и железная воля - повзрослев, Джон будет работать с рассвета до первых звезд, силой удерживая себя от воскресных занятий бухгалтерией. А гениальный махинатор Уильям Рокфеллер питал нежную, почти чувственную любовь к деньгам: он любил высыпать ассигнации на свой письменный стол и зарывать в них руки, а однажды вышел к детям, помахивая скатертью, сшитой из банкнот... Его страсть передалась сыну.

Джон Рокфеллер не стал ни распутником, ни двоеженцем, на него в отличие от папы никогда не подавали в суд по обвинению в изнасиловании, но тем не менее он многому научился у отца. С раннего детства он занимался бизнесом: покупал фунт конфет, делил его на маленькие кучки и с наценкой распродал собственным сестрам, ловил диких индюшат и выкармливал для продажи. Вырученные деньги будущий миллиардер аккуратно складывал в копилку - вскоре он начал ссужать их отцу под разумный процент.

Мало кто знал иную, человеческую сторону его натуры. Свойственные людям чувства Джон Дэвисон Рокфеллер спрятал в самый дальний карман и застегнул его на все пуговицы. А между тем он был чувствительным мальчиком: когда умерла его сестра, Джон убежал на задний двор, бросился на землю и так пролежал целый день. Да и повзрослев, Рокфеллер не стал таким чудовищем, каким его изображали: как-то он спросил об однокласснице, которая ему когда-то нравилась (всего лишь нравилась - он был высоконравственным юношей); узнав, что она овдовела и бедствует, владелец "Стандарт ойл" тут же назначил ей пенсию. Судить о том, каков он был на самом деле, почти невозможно: все мысли, все чувства, все желания Рокфеллер подчинил одной великой цели - обязательно разбогатеть. Он превратил себя в идеальную бизнес-машину, аппарат для производства деловых идей, эксплуатации подчиненных и подавления конкурентов. Все, что могло этому помешать, было отброшено: Джон Дэвисон должен был или умереть от переутомления, или стать богачом. А тому, что он превратился не просто в состоятельного человека, а в самого богатого человека в мире,

Рокфеллер был обязан гениальной интуиции и сверхъестественному деловому чутью - качествам, которые не смогла разглядеть даже его собственная мать, знавшая Джона как свои пять пальцев.

Тихий мальчик получает среднее образование - тем временем его отец соблазняет очередную служанку, попадает под суд за обман кредиторов и бросает семью. Уильям Рокфеллер уходит к другой женщине, меняет фамилию и прячется от жены, сыновей и тех, кому был должен. Больше они его не увидят - на похороны отца Джон Дэвисон Рокфеллер не поедет.

Ему исполняется шестнадцать лет, и он уезжает в Кливленд: прилично одетый юноша с костлявым лицом обходит крупные фирмы и просит владельцев о встрече. Это продолжается шесть дней в неделю шесть недель подряд - Джон Рокфеллер ищет место бухгалтера. Стоит нестерпимая жара, но молодой человек в плотном черном костюме и темном галстуке упрямо шагает от одного офиса к другому - возвращаться на ферму Рокфеллер не хочет.

26 сентября фирма "Хьюитт энд Таттл" взяла его на работу помощником бухгалтера - этот день Рокфеллер будет отмечать как свое второе рождение. То, что первую зарплату ему выдали лишь через четыре месяца, не имело ни малейшего значения - его пустили в сияющий мир бизнеса, и он бодро зашагал к заветным ста тысячам долларов.

Джон Рокфеллер вел себя так, как мог бы вести влюбленный: казалось, что тихий бухгалтер находится в состоянии эротического безумства. В порыве страсти он дико кричит в ухо мирно работающему коллеге: "Я обречен стать богатым!" Бедняга шарахается в сторону, и вовремя - ликующий вопль повторяется еще два раза. Рокфеллер не пьет (даже кофе!) и не курит, не ходит на танцы и в театр, зато получает острое наслаждение от вида чека на четыре тысячи долларов - он все время вынимает его из сейфа и рассматривает снова и снова. Девушки зовут его на свидания, а молодой клерк отвечает, что может встречаться с ними только в церкви: он ощущает себя избранником Божиим, и соблазны плоти его не волнуют. Рокфеллер знает, что Господь благословляет праведных, и превращает свою жизнь в постоянный подвиг - он приходит на работу в 6.30 утра, а уходит так поздно, что ему приходится обещать самому себе заканчивать свою бухгалтерию не позднее десяти вечера. И Бог дает ему то, что он хотел.

Рокфеллеру повезло - южные штаты объявили о выходе из Союза и началась гражданская война. Федеральному правительству понадобились сотни тысяч мундиров и винтовок, миллионы патронов, горы вяленого мяса, сахара, табака и галет. Наступил золотой век спекуляции, и Рокфеллер, ставший совладельцем брокерской фирмы со стартовым капиталом \$ 4000, сделал неплохие деньги. А потом он наткнулся на настоящую золотую жилу; вечером во всех домах, от дворцов Вандербильтов и Карнеги до лачуг китайских эмигрантов, загорались керосиновые лампы, а керосин, как известно, делают из нефти. Компаньон Рокфеллера Морис Кларк говорил: "Джон верил только в две вещи на земле - в баптистское вероучение и нефть"; по ночам ему снились зияющие в земле нефтяные скважины. (Провернув выгодную сделку, мрачный человек в черном

костюме прыгал по офису, пел и обнимал секретарш.)

Истинная любовь сметает все преграды: Джон Рокфеллер был без ума от денег, и они шли к нему косяком. Когда он чувствовал, что их можно спугнуть, - Рокфеллер становился нежен и вкрадчив, когда требовалась сила - боролся за них, не думая о последствиях. Ему исполнилось двадцать пять, знакомые думали, что он навсегда обручен с бухгалтерскими счетами... Но в жизни всегда есть место чуду - одна девушка ждала Джона Рокфеллера вот уже девять лет.

Лаура Селестия Спелмен родилась в богатой и уважаемой семье. Она много читала, пробовала себя в литературной редакции и подходила Рокфеллеру по всем статьям. Лаура была типичной пуританкой: танцы и театр казались ей олицетворением порока, зато в церкви она отдыхала душой... Всем цветам будущая миссис Рокфеллер предпочитала черный.

Они познакомились еще в школе: он признался ей в любви - она ответила, что сперва ему надо чего-то добиться в жизни, найти хорошую работу, стать состоятельным человеком... Со стороны эта история кажется безмерно унылой, но на деле все обстояло иначе.

Костлявый мальчишка к этому времени превратился в высокого, подтянутого и очень обаятельного молодого человека, а Лаура (домашние звали ее Сетти) стала хорошенькой девушкой. Она прекрасно разбиралась в музыке (три часа ежедневных занятий на фортепиано!). Рокфеллер тоже неплохо музицировал (его упражнения бесили хлопотавшую по хозяйству Элайзу). К тому же Джону Рокфеллеру не удалось заморозить себя окончательно - Сетти знала, что он мог быть очень добрым человеком.

За бриллиантовое обручальное кольцо Рокфеллер заплатил 118 долларов - для него это был настоящий подвиг. Повторять его он не стал: свадьба была скромной, дом, в который перебрались молодые после свадебного путешествия, Рокфеллер снял по дешевке, слуг у них не было. К этому времени ему принадлежал самый крупный в Кливленде нефтеперерабатывающий завод, родители невесты были состоятельными и уважаемыми в городе людьми, но сообщения о свадьбе в газетах не появилось - он не любил, когда о нем говорили. Подчиненные и конкуренты боялись Рокфеллера как огня, а жена считала его добрейшим человеком.

Ровно в 9.15 он появлялся в "Стандарт ойл", понемногу превращавшуюся в одну из крупнейших компаний страны. Высокая фигура, бледное, чисто выбритое лицо, в руках - зонтик и перчатки, на голове - белая шелковая шляпа, из манжет выглядывают черные ониксовые запонки с выгравированной на них буквой "R". Рокфеллер тихо приветствует подчиненных, справляется об их здоровье и черной тенью просачивается в дверь своего кабинета. Он никогда не повышает голоса, никогда не нервничает, никогда не меняется в лице - вывести из себя его невозможно. Однажды к нему ворвался взбешенный подрядчик, который орал полчаса без перерыва. Все это время Рокфеллер сидел уткнувшись в стол, а когда разъяренный, красный как рак толстяк выдохся, поднял невозмутимое лицо и тихо сказал: "Простите, пожалуйста, я не уловил, о чем вы

говорили. Нельзя ли повторить?.."

Он обедал в раз и навсегда установленное время: когда молоко с печеньем бывало съедено, хозяин "Стандарт ойл" совершал обход своих владений. Рокфеллер шел бесшумной размеренной походкой - определенное расстояние он всегда проходил за одно и то же время. Перед столами своих клерков Рокфеллер возникал как чертик из табакерки, сладко улыбался, спрашивал, как идет работа, и люди приходили в ужас. Рокфеллер был хорошим хозяином - жалование он платил выше, чем кто-либо другой, назначал отличные пенсии, выдавал больничные - но с теми, кто ему противоречил, разделялся безжалостно. Для подчиненных у него всегда находилось доброе слово, и все же они его смертельно боялись. Ужас, который он внушал, носил мистический характер - его собственный секретарь уверял, что никогда не видел, как Рокфеллер входит и выходит из здания компании. Очевидно, он пользовался по тайными дверями и секретными коридорами (недоброжелатели поговаривали, что миллионер влетает в свою контору через дымоход). Пугал и его дом: спартанская обстановка, тихие голоса, немногословные, вымуштрованные дети. О том, как дружно здесь живут, знали лишь его обитатели.

Владелец "Стандарт ойл" учил детей музыке, плавал вместе с ними, бегал на коньках; если кто-нибудь из маленьких ночью хныкал, Рокфеллер тут же просыпался и мчался к его постели. Он никогда не ссорился с женой, трогательно заботился о матери. Элайза состарилась, начала болеть, и когда случался очередной приступ, Рокфеллер бросал все дела, ехал к ней и сидел у ее постели, пока матушке не становилось лучше. (Зато двое детей его ушедшего на гражданскую войну брата умерли чуть ли не от голода, и тот забрал их тела из семейного склепа: "Не хочу, чтобы они лежали в земле этого монстра!" А уж в бизнесе он был совершенно безжалостен.

Поговаривали, что капитал Рокфеллера равняется пяти миллионам долларов. Это было не так - в восьмидесятые годы XIX века его компания оценивалась в \$ 18 миллионов (современный эквивалент - \$ 265 миллионов). Рокфеллер вошел в двадчатку самых богатых и могущественных людей страны и начал наступление на конкурентов: он заключил соглашение с железнодорожными королями, и те взвинтили тарифы на перевозки. Мелкие нефтяные компании разорялись, крупные капиталисты переуступали Рокфеллеру свои пакеты акций: вскоре он стал монополистом на нефтяном рынке и смог установить собственные, запредельные цены на нефть, которая в начале двадцатого века стала стратегическим товаром. Началась дредноутная гонка: великие державы строили все больше огромных линейных кораблей, топливом для них служил добывавшийся из нефти мазут. "Стандарт ойл" превратилась в транснациональную компанию, ее интересы распространились на весь земной шар, состояние Рокфеллера исчислялось в десятках, а затем и сотнях миллионов долларов. На рубеже веков он был признан самым богатым человеком в мире: газеты писали, что состояние Рокфеллера приблизилось к восьми с половиной миллиардам долларов. Его монополию называли "величайшей, мудрейшей и самой нечестной из всех, когда-либо существовавших".

Рокфеллер знал, что, богатая, он выполняет Божье предначертание - в протестантской этике достаток рассматривался как благословение свыше. Его сотрудники вспоминали,

как во время одного из совещаний, где говорилось о невеселых перспективах компании (речь шла о том, что электрическое освещение вскоре вытеснит керосиновое), Рокфеллер поднял руку к небу и торжественно произнес: "Господь позаботится!" И он позаботился - началась Первая мировая война, и все военные флоты перешли на нефть.

Согласно протестантской вере богатство не привилегия, а долг - часть того, что Рокфеллер зарабатывал, он принялся раздавать. Когда Джон Дэвисон начинал, его состояние исчислялось в тысячах долларов, и все деньги шли в дело. Теперь, когда у него были сотни миллионов, пришло время для богоугодной благотворительности. В месяц к Рокфеллеру приходили пятьдесят тысяч писем с просьбами о помощи - по мере возможности он на них отвечал и отправлял людям чеки. Он помог основать Чикагский университет, учреждал стипендии, выплачивал пенсии - все это оплачивал потребитель, которого Рокфеллер заставлял выкладывать за керосин и бензин столько, сколько было нужно "Стандарт ойл". Половина Америки мечтала выцыганить у Джона Дэвисона Рокфеллера побольше денег; другая половина была готова его линчевать. Рокфеллер старел; страсти, кипевшие вокруг, действовали ему на нервы. Порой он вздыхал: "Богатство - или великое благословение, или проклятие".

Воспитание детей тоже было долгом: им предстояло унаследовать огромное состояние, а это было большой ответственностью. Рокфеллер знал, что Божий дар нельзя пустить по ветру, и изо всех сил приучал детей к труду, скромности и неприязнательности. Джон Рокфеллер-младший позднее говорил, что в детстве деньги казались ему загадочной субстанцией: "Они были вездесущи и невидимы. Мы знали, что денег очень много, но знали также, что они недоступны". Для того, кого до восьми лет одевали в девчоночьи платья (Рокфеллеры донашивали друг за другом старые вещи, а второго мальчика у них не было), будущий миллиардер выразился чрезвычайно мягко.

Джон Рокфеллер-старший создал дома макет рыночной экономики: он назначил дочь Лауру "генеральным директором" и велел детям вести подробные бухгалтерские книги. Каждый ребенок получал два цента за убитую муху, десять центов - за заточку одного карандаша и пять - за час занятий музыкой. День воздержания от конфет стоил два цента, каждый последующий день оценивался уже в десять центов. У каждого из детей была своя грядка в огороде - десять выдернутых сорняков стоили один пенни. Рокфеллер-младший зарабатывал пятнадцать центов в час за колку дров, одна из дочерей получала деньги за то, что по вечерам обходила дом и гасила свет. За опоздание к завтраку маленьких Рокфеллеров штрафовали на один цент, они получали по одному кусочку сыра в день, а по воскресеньям им не позволяли читать ничего, кроме Библии.

Сетти ходила в собственноручно залатанных платьях и ни в чем не уступала мужу: расщедрившийся Рокфеллер собрался было купить детям по велосипеду, но жена сказала, что лишние велосипеды в доме не нужны: "Имея один велосипед на четверых, они научатся делиться друг с другом..."

Результаты такого воспитания были достаточно противоречивыми. Рокфеллер-младший чуть было не зачах: когда мальчик подрос и зашла речь об университете, выяснилось,

что он постоянно хворает и к тому же страдает разнообразными нервными расстройствами. На дворе стояла зима, но Джон тут же отправил сына в загородный дом: больной мальчик корчевал пни, жег кустарник и рубил дрова для печки - днем он работал до седьмого пота, а по ночам дрожал от холода. Джон выжил, окончил университет (карманных денег у него не было, и он постоянно стрелял у приятелей несколько долларов) и вошел в семейный бизнес. Отец сломал его волю: наследник навсегда остался его тенью, страдая от этого и тем не менее безропотно исполняя свой долг. Он мучился оттого, что был менее талантливым бизнесменом, чем отец, что четыре года боялся объясниться с любимой девушкой, что журналисты писали гадости про дорогого папу... Джонни-младшего спасла женитьба на Эбби Олдрих, веселой и обаятельной девушке, дочери сенатора от штата Нью-Йорк - ее отец был всем известным бонвиваном.

Рокфеллер собрался было устроить безалкогольную свадьбу, но отец невесты сказал, что скорее застрелится. Шампанское лилось рекой, и благочестивая Сетти, сказавшись больной, не пришла на это греховное действо... Эбби научила Джона-младшего радоваться жизни: он отбывал свой срок на работе и спешил домой - биржевые сводки наводили на него уныние, а среди детей он расцветал. (Впрочем, Джон воспитывал своих отпрысков так же, как воспитывали его. Несчастные внуки Джона Дэвисона Рокфеллера получали по десять центов за каждую пойманную мышь.)

Были и более существенные издержки воспитания: сестра Джона Бесси Рокфеллер сошла с ума и провела большую часть жизни в постели. (Она решила, что ее семья разорилась, и проводила время, латая старые платья.) Временами до нее доходило истинное положение вещей, и бедная женщина радостно сообщала медсестрам, что теперь у нее снова есть деньги на гостей. А Эдит Рокфеллер стала легендарной мотовкой. В 21 год она слегла в больницу с нервным расстройством, а затем вышла замуж за человека, который огорчил папу - Гарольд Маккормик отказался поклясться на Библии, что никогда в жизни не будет пить и не возьмет в руки карты. Маккормики тоже были миллионерами, они также воспитывали детей в строгости и приучали их помогать бедным: Гарольд и Эдит оказались прекрасной парой. Они пустили на ветер не один десяток миллионов - Эдит вывела родословную Рокфеллеров от французских аристократов Ларошфуко, обзавелась гербом, антикварной мебелью, коллекцией бриллиантов и затмила своими тратами расточительных Вандербильтов. Ей постоянно не хватало денег, и она была вынуждена жить в долг, но на одном из балов благородная дама появилась в платье, изготовленном из серебра высочайшей пробы. С отцом она предпочитала не встречаться - судя по всему, Эдит Рокфеллер было перед ним стыдно.

И все же Джон Дэвисон Рокфеллер чувствовал себя прекрасно. Тяжелым ударом стала потеря любимой жены ("В моей жизни была единственная возлюбленная, и я счастлив, что обладал ею."), но он взял себя в руки и прожил почти до ста лет: такой срок Рокфеллер поставил себе сам и не дотянул до него каких-то два года.

К этому времени Америка превратилась в страну автомобилей (а бензин, как известно, делается тоже из нефти), и богатство Рокфеллера увеличилось до совершенно фантастических размеров. Джон Дэвисон постарел, но оставался крепким и бодрым:

"Это компенсация за отказ от театров, клубов и легкомысленных развлечений, которые давным-давно подорвали здоровье многих моих знакомых". Теперь он мог позволить себе то, чего был лишен в детстве: Рокфеллер увлекся спортом, выучился отлично играть в гольф и освоил гоночный велосипед. Старик ездил отпустив руль и держа над головой раскрытый зонтик; окружающие ахали, и тут он вскакивал обеими ногами на седло. Он полюбил женщин: во время автомобильных прогулок его обычно сопровождали две красивые спутницы - их колени были предусмотрительно прикрыты шалью, из-под которой Рокфеллер не вынимал рук. Под конец жизни он стал похож на людоеда.

Рокфеллер захворал алопецией, и у него выпали все волосы на теле. Без бровей, ресниц и усов он стал по-настоящему страшен: окружающие шарахались - казалось, что им навстречу шагает смерть. Дополнительную прелесть картинке придавало то, что Рокфеллер пристрастился к парикам: в его коллекции были представлены все прически и все оттенки. К тому же он стал большим модником: теперь его любимый костюм состоял из желтой соломенной шляпы, синего шелкового пиджака и яркой японской жилетки, ансамбль завершали темные очки. В один прекрасный день Рокфеллера не узнал собственный вице-президент, который давал обед в его честь: "Что с тобой, Чарли? Я мистер Рокфеллер!". Журналисты намекали на то, что мультимиллионер впал в маразм, но это даже отдаленно не походило на правду.

С возрастом разум не изменил Рокфеллеру. Он железной рукой правил своей империей: одна только "Стандарт ойл" приносила три миллиона долларов ежегодно (сегодня они равнялись бы пятидесяти миллионам). Ему принадлежали шестнадцать железнодорожных и шесть сталелитейных компаний, девять фирм, торгующих недвижимостью, шесть пароходств, девять банков и три апельсиновые рощи - и все это давало обильный денежный урожай. Но Рокфеллер не вникал в детали деловых операций: у него появилось более увлекательное занятие - он пытался переиграть смерть. Добившись всего, о чем мечтал, теперь он хотел дожить до ста лет: заветная дата была близка, и задача казалась выполнимой. Смерть представлялась ему таким же деловым партнером, как и все остальные, - ее тоже можно было обвести вокруг пальца. В 1935 году Рокфеллер отпраздновал свой девяносто шестой день рождения, и страховая компания прислала ему чек на пять миллионов долларов. Это был первый случай за всю историю фирмы - по статистике до такого возраста доживает только один человек из ста тысяч.

Доктора прописывали Рокфеллеру диету, и он с удовольствием ее соблюдал. Они назначали дозированные физические нагрузки, и он вяло крутил педали велотренажера, слушая проповеди по радио. До ста лет Джон Дэвисон Рокфеллер недотянул совсем немного: 23 мая 1937 года он умер от сердечного приступа.

Накануне они болтали с Генри Фордом: расшалившийся Рокфеллер назначил собеседнику встречу в раю. Форд хихикнул и ответил, что уж там-то они не встретятся. О том, где сейчас беседуют Рокфеллер и Форд, знает один Бог (или черт - если они числятся по его ведомству), но империя Рокфеллера процветает.

Его воспитательная метода прокатилась по потомству Рокфеллеров, как паровой каток: тем, кто сумел ее выдержать, уже ничего не страшно. Невропаты, моты и аутсайдеры выпали в осадок (Уинтроп, любимый рокфеллеровский внук, озверев от домашней муштры, махнул на все рукой и подался на нефтепромыслы в Аризону, где жил на семьдесят пять центов в день). Но те, кто сумел принять эти правила игры, приумножили семейное состояние. Маленькие Рокфеллеры до сих пор маются без карманных денег; чуть повзрослев, они сшибают у однокурсников десятки, чтобы сводить девушку в кино. Потом папы дают отмашку - и потомство всеми конечностями вцепляется в семейный бизнес: по относительной величине совокупного капитала семейство Рокфеллеров до сих пор считается самым богатым в США.

Двумстам наследникам старого Рокфеллера принадлежит состояние, оцениваемое в шесть с лишним миллиардов долларов. Среди них есть бывший кандидат в президенты США, бывшая нонконформистка, боровшаяся за права бедняков, ученые, банкиры и бывшие плейбои. Глядя на этот сплоченный, скрытный, поглощенный делом клан с облака (или с раскаленной сковороды), Джон Дэвисон Рокфеллер-старший должен радоваться и удовлетворенно потирать руки. Он хотел прожить сто лет, а стал бессмертен - в десятках банков, нефтяных компаний и брокерских фирм сидят такие же, как он, Рокфеллеры: тихие, добродетельные, поджарые, готовые на все...